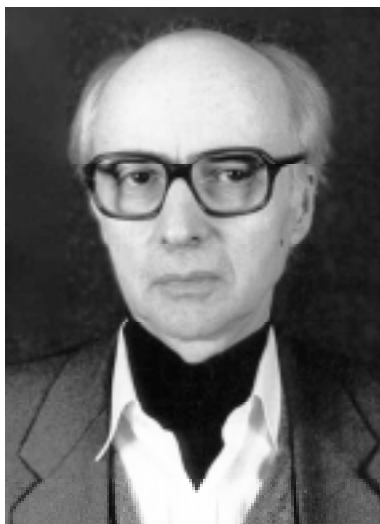

ИНТЕРВЬЮ С ОЛЕГОМ НИКОЛАЕВИЧЕМ ЯНИЦКИМ

— Вы — известный в России и за рубежом специалист в области социально-экологических и рискологических исследований, но я хочу обратиться к Вам прежде всего как социологу. Является ли социология Вашим призванием или только сферой Вашего профессионального труда? Или Вы не разделяете профессию и призвание?

Призвание — слишком громкое слово. Могу только сказать, что мой личный исследовательский (и мыслительный, естественно) процесс идет постоянно, и я получаю от этого удовлетворение большее, чем от чего-либо другого. Более тридцати лет я веду записные книжки, веду постоянно, где бы я ни находился — дома, в транспорте, на заседаниях, в ожидании приема врача. С удивлением смотрю на иных аспирантов, которые, выходя с очередного научного семинара, не записали ни строчки.

— Как сложился Ваш жизненный и творческий путь? Для наших читателей, несомненно, будет интересно узнать, кто Вы как исследователь, какой была Ваша карьера в науке.

Я окончил Московский архитектурный институт в 1957 г. Еще в студенческие годы мы с моим товарищем задумали написать книгу об Оска-

ре Нимейере, известном бразильском архитекторе. Несмотря на все насмешки, книга вышла в 1963 г. Работал в Академии архитектуры — проектировал, исследовал, строил. Несколько лет потратил на «обследования» (так в архитектурной науке называлось эмпирическое изучение уже построенных зданий и сооружений). Кстати, очень много зданий торговли и обслуживания я «обследовал» в Ленинграде. Тогда мне казалось, что бесконечное лазание по подсобкам, складам, моечным и раздаточным — это просто потерянное время. Но когда я пришел в социологию, оказалось, что я обладаю бесценным знанием «городской механики», которое нельзя вычитать из книжек или получить путем массового опроса.

Интерес к большому городу, его людям и связям — это, наверное, было главным. Но тут нашла коса на камень. Дело в том, что директор Института, где я работал, был адептом идеи домов-коммун 1920-х гг. и китайских коммун тоже. Назревал большой конфликт с «оргвыводами». Помог счастливый случай. Меня нашел Николай Васильевич Новиков и взял в свой сектор созданного в конце 1966 г. Института международного рабочего движения. Николай Васильевич не был моим учителем в традиционном смысле слова, но ему я обязан очень многим. Именно он ввел меня в среду социологов (Э. Араб-оглы, Б. Грушин, Ю. Замошкин, Ю. Левада, Н. Наумова и многие другие). Затем я стал часто ездить в Новосибирский академгородок, где среда социологов была не менее плотной.

— Что повлияло на Ваш выбор и Ваши приоритеты в исследованиях, на Ваше увлечение наукой, точнее, такими ее областями, как социальная экология? В чем, на Ваш взгляд, состоит Ваш вклад в развитие социологии в России, а, возможно, и за рубежом?

К социальной экологии я пришел не сразу. Долгое время я был урбан-социологом. Это предполагало хорошее знание западной литературы, касающейся организации человеческих сообществ. Своими «учителями» я считаю Р. Парка, Ю. Бэрджесса и других основателей Чикагской школы. Еще в 1965 г. я перевел (для себя) с английского почти полностью книгу Р.Л. Мейера «Информационная теория городского роста». Иногда меня называют американистом, но это не так. Просто без знания западной литературы я не мыслил собственной работы. В 1965 г. (по инициативе Н.В. Новикова и моей) вышла книга «Социологические проблемы польского города». Участие в международном исследовании бюджетов времени дало отрицательный результат: я убедился, что для изучения человеческих сообществ требуются иные методы. Мои книги «Экология города. Зарубежные междисциплинарные концепции» и «Экологическая перспектива города» были «мостом» между социологией города и социальной экологией.

Оценивать собственный вклад в науку трудно, поэтому кратко сошлюсь на опубликованный источник: «Совместно с А.С. Ахизером и Л.Б. Коганом Яницкий разработал концепцию урбанизации как всемирно-исторического процесса концентрации и интенсификации общения, интеграции все более разнообразных форм социальной практики обще-

ства. Позже Яницкий развил социально-информационную концепцию урбанизации, показав, что производство и распространение информации преодолевают территориальную концентрацию общества как необходимую предпосылку социальной эволюции.

Яницкий выдвинул гипотезу о городской среде как механизме социального воспроизводства, предложил антропоцентрическую модель ее структуры, построенную по критерию доступности ресурсов. Базовым элементом городской среды является “первичная эко-структура”, которая является, по Яницкому, индивидуализированным миром культуры, придающим качество уникальности человеческому бытию. В 1982 г. Яницкий ввел понятие социальной интерпретации экологического знания. Являясь формой рефлексии общественного сознания на экологические риски, эта интерпретация выступает одновременно инструментом экологической политики.

Занимаясь в последние годы проблемами социокультурной динамики российского общества, Яницкий квалифицировал его как “общество всеобщего риска”, которому присущи повсеместная рискогенность среды обитания, систематическое выделение энергии социального распада (“ресурсные войны”, появление массы “лишних людей”, отрицательная социальная селекция), тотальное недоверие к государству, сопротивление изменениям, высокий уровень социально-приемлемого риска. Яницкий развил концепцию экологического движения как субъекта формирования гражданского общества и основного носителя экологических ценностей. Это движение: исторически укоренено в среде российской интеллигенции; идеологически и организационно дифференцировано; вынужденное действовать во все более враждебном контексте, движение постепенно вестернизируется и теряет корни в российской социокультурной среде.

Для анализа динамики общественных движений в современной России Яницкий предложил трехуровневую модель контекста “общества риска”: историко-культурный, макросоциальный и ситуативный. Эти уровни были концептуализированы им в виде парадигмы “системной исключительности”, отношения “социальное движение — государство” и теоретического треугольника “движение — население — местная власть”»*. Моя краткая биография опубликована также в «Who is Who in the World» за 1999–2001 гг.

— Каковы дисциплинарные границы экологии, социологии и социальной экологии? Что общего между ними? Дополняют ли они друга или развиваются параллельно?

Начну с конца: да, между ними есть общее и они дополняют друг друга. Но это слишком простой ответ. Проблема заключена в методологических основаниях современной социологии. Если она придерживается старой парадигмы — «социальные факты выводятся только из соци-

* Алексеев П.В. *Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды*. М.: Академический проект, 1999. С. 993.

альных фактов», то предмет (и дисциплинарная граница) социальной экологии — это социальные общности. Если это «Новая экологическая парадигма», то предмет социологии и социальной экологии в сущности един — это глобальное сообщество, точнее — социобиотехносфера, что, естественно, не исключает ее анализа на мезо- и микроуровнях.

— Какова на сегодняшний день ситуация в социологических теоретических и эмпирических исследованиях в России и за рубежом? В каком направлении, с Вашей точки зрения, развивается современная мировая и российская социология?

Я не историк социологии, поэтому данный вопрос не ко мне. Что меня действительно беспокоит, так это стремительная (и потому плохо отрефлексированная) вестернизация современной российской социологии. Поэтому проблема «парадигмы освоения» западной социологической мысли российскими социологами остается чрезвычайно актуальной. Не менее важен и обратный процесс: по большому счету, российская социология остается изолированной от англоязычной. Мы там попросту неинтересны. И «политкорректность» по отношению к отдельным лицам «российской национальности» дела не меняет. По моему глубокому убеждению, отечественная социология должна заниматься теоретическим обобщением отечественного материала «в общемировом концептуальном контексте», критически осмысливая его с помощью «встречного потока» теоретических обобщений. События 11 сентября 2001 г. показали это со всей очевидностью. Но есть важные детали.

Перевод западных научных работ на русский язык — не лингвистическая, но концептуальная задача. Недаром большинство работ У. Бека на английский было переведено одним и тем же человеком, социологом и ближайшим сотрудником Бека. Совсем не случайно, что Бек как теоретик мирового класса был признан после перевода его работ на английский. Более того, для уточнения и введения своих идей в научный оборот социологии Бек предпринял беспрецедентную акцию. Он инициировал издание книги трех авторов, где он, А. Гидденс и С. Лэш не только излагали свои взгляды на «рефлексивную модернизацию» (ядро концепции «общества риска»), но и провели раунд взаимной критики и самокритики.

Поэтому переводить на русский язык работы западных социологов должны профессионалы-специалисты, а не переводчики. Необходимо также восстановить фигуры научного и ответственного редакторов.

И, наконец, главное. Реализация парадигмы «освоения – достраивания» должна вестись в режиме постоянной многоуровневой рефлексии и диалога: 1) с западной социологической культурой в целом и концепциями в частности, потому что они тоже развиваются; 2) в форме рефлексии по поводу эмпирических данных, собственных и принадлежащих другим российским исследователям; 3) диалога с политической культурой российского общества и, может быть, самое главное, 4) двойной («изнутри» и «снаружи») рефлексии по поводу собственных теорети-

ческих схем и построений. «Достраивание» будет эффективным только тогда, когда отечественные социологи будут одинаково свободно ориентироваться в «пространствах» российской и западной культуры.

— Чем характеризуется развитие отдельных отраслей современной социологии? Является ли рискология самостоятельной дисциплиной или только новым проблемным полем в социологии?

Первый вопрос слишком широк. На второй ответу: ни тем, ни другим. В моем понимании, концепция общества риска — это новый взгляд на общество, его ценностные ориентиры, социальную структуру, процессы социальных изменений и т.д. и т.п. Взгляд, преодолевающий как сциентизм, так и социальный детерминизм. Предмет рискологии — не риски и их «последствия», не катастрофы, а общество, которому имманентно присуще производство, распространение и потребление рисков. Всякое общество чревато риском, но прежде всего — современное, переходящее от стадии простой к высокой (поздней) модернизации. Или российское, находящееся, по моему мнению, последние десятилетия в исторической фазе демодернизации. Если еще жестче: предмет рискологии — это самопорождение и функционирование рисков в рационально организованных социальных системах.

Корневые понятия теоретической рискологии — непредсказуемость, неоднозначность, неопределенность и, конечно, обратная связь (эффект бумеранга). Рискология, в сущности, стремится ответить на тот же вопрос, что и историческая наука: как эволюционирует человеческий мир, почему одни общества и цивилизации развиваются, а другие исчезают с исторической арены. Поэтому, думаю, сам термин «рискология» со временем отомрет, уступив место новому этапу развития теоретической социологии, которому еще нет названия (впрочем, У. Бек, Э. Гидденс и другие уже оперируют понятием «рефлексивная модернизация»). Однако, полагаю, этот термин все же узковат для обозначения современной социетальной динамики).

Что же касается прикладной рискологии (risk assessment) — то она будет существовать всегда, поскольку в самой ее методологии заложен принцип «локальности», т.е. постулат возможности исчисления рисков в заранее заданных пространственно-временных рамках. Прикладная рискология — это инструмент политики, неважно, социальной или экологической. Однако глобальный характер резонанса самого что ни на есть локального риска становится все более очевидным. Вспомните Чернобыль, и вы поймете, о чем я говорю.

— Существуют ли в России самостоятельные научные школы в социологии и социальной экологии? Если да, то что они собой представляют?

Школа подразумевает наличие концептуального ядра и условий его воспроизведения и развития. Должно быть устойчивое сообщество, в котором есть учителя и ученики, а не мечущаяся в поисках заработка почасовая профессура и столь же летучая аспирантская масса. Поэтому

школ не вижу, и это большая беда. Есть люди, группирующиеся вокруг отдельных фигур или проектов (грантов), но последние, как правило, краткосрочны и политизированы. «Школа» — это ведь, в сущности, авторитетный социальный институт, который, будучи основан на некоторых этических принципах, не только лидирует в данной области знания, но и определяет политику в некоторой практической области. А сегодня все наоборот. Вообще, политизация социологии — препятствие не только на пути формирования школ, но и развития социологии как таковой. То, что мне удалось сделать в социальной экологии, — это не школа, а лишь попытка заложить основания новой дисциплины.

— Каковы отношения между социологией и социальной экологией? Насколько изменилось положение в социологии и социальной экологии в России в конце 1990-х – начале 2000-х годов?

Ваш вопрос снова возвращает нас к проблеме базовой социологической «парадигмы». Если она — классическая, то есть антропоцентрическая или, как ее теперь именуют на Западе, «парадигма человеческой исключительности», то тогда рамки социальной экологии должны быть ограничены изучением «сообществ» (территориальных, этнических, профессиональных). Если же социологи перестанут, наконец, отрицать «Монблан фактов», свидетельствующих, что природа уже давно социализирована, а социальные системы и структуры встроены и находятся под постоянным воздействием био- и техносферы, то тогда придется принять «новую экологическую парадигму» (Р. Данлэп, 1980) и, следовательно, признать, что социальная экология есть новый (и необходимый) этап развития социологии как науки. Пример: сетевые сообщества — это предмет социологии (какой?) или социальной экологии?

Что касается изменения положения социальной экологии в последнее десятилетие, то думаю, ее эволюция тоже подчиняется известному циклу Э. Даунса (1972). Сначала — эйфория, затем — успешные, но локальные исследования. Потом — осознание, что нужна собственная методология и долгосрочные фундаментальные кросскультурные исследования. У нас же реально были лишь краткосрочные проекты под западный заказ (и по западным методикам). То есть все наоборот. Плюс отток самых талантливых исследователей на Запад. Еще позже — рост секретности, судебные процессы над экологическими «шпионами», а главное — экология так и осталась в самом низу шкалы национальных приоритетов. Студентов и аспирантов экологическая проблематика не интересует — ни заработка, ни престижа. Выводы можете сделать сами.

— Как Вы оцениваете уровень современного социологического образования за рубежом и в России?

Я научный работник, поэтому могу лишь косвенно судить об этом по состоянию подготовки приходящих в аспирантуру и по защитам диссертаций. Мне кажется, что только тогда, когда мы перейдем полностью на западную (университетскую) систему с соответствующим материальным

обеспечением, ситуация начнет улучшаться. Пока же я вижу натаскивание со стороны педагогов и крайний утилитаризм со стороны аспирантов и соискателей. Плюс явный перекося в менеджериизм и политические дисциплины. Плюс нищета большинства аспирантов, вынужденных все время искать приработку на стороне. Есть и другая, не менее печальная сторона: аспирантура стала «крышей» от призыва в армию. Что касается «за рубежом», то американский кампус — это просто другой мир.

— Насколько в настоящее время высок интерес к социальным наукам? Способствовала ли ранее в советское время и способствует ли сейчас академическая институционализация социологических исследований решению социальных проблем в России?

Интерес — где? Если в среде интеллигенции, то он, по моему мнению, невысок, слишком много политической ангажированности или просто вранья, нет авторитетных источников. Что касается общества в целом, то наши СМИ воспитали чисто потребительское отношение к данным этой науки, низведя их до уровня гарнира политического комментария. Но есть более серьезная проблема: постепенное поглощение социологии политическими науками. Я имею в виду не только «обслуживание» политики данными социологических исследований, но и прямое вытеснение социологии политическими дисциплинами.

Относительно институционализации. Я уже высказался в пользу университетской системы социологической науки в будущем. Но тронуть сейчас академическую науку — это значит окончательно угробить ее теоретический потенциал и те немногие группы, которые вопреки всему продолжают продвигать отечественную социологическую науку. Убежден, что, например, структура, сформированная В.А. Ядовым, бывшим директором Института социологии РАН, и Л.М. Дробижевой, его нынешним директором, — оптимальная. Есть научное ядро — Институт, вокруг которого сформировалось несколько учебных институций (факультетов, курсов, летних школ). Гибко, удобно, есть преемственность, возможность преподавания, дискуссий и т.д.

— Каково Ваше нынешнее восприятие атмосферы 1950–80-х годов в Советском Союзе? Кто были Ваши кумиры и учителя?

«Кумир» — это для театра и эстрады, то есть не по моей части. Меня сформировала семья и ее ближайшее окружение. В нем были люди выдающиеся и просто добрые, отзывчивые, с чрезвычайно высоким культурным потенциалом. Эта среда «держала» и направляла меня — мне не нужны были «кумиры», когда я мог быть рядом с людьми, которых знал весь мир. Помимо моей семьи, меня сформировала моя 59-я школа, одна из лучших в Москве. Учителя там были прекрасные. Особенно если говорить о дисциплине мышления и развитии интереса к разным наукам. К тому же школа находилась в сердце старого Арбата (видимо, именно тогда я начал осознавать значение «среды обитания» как среды социализации). Архитектурный институт, где я учился в 1951–1957 гг., также

отличался прекрасными учителями. Живописи и рисунку, например, я учился у А.А. Дейнеки, а историю философии читал нам В.Н. Сарабьянов. В профессиональном отношении я скорее самоучка: обладая уже некоторым знанием городской жизни, я учился в основном по книгам. Знание польского языка дало мне не только возможность познакомиться с работами Ст. Ноаковского, З. Баумана, З. Пюро, но и понять, какие книги западных авторов надо читать в первую очередь. В этом смысле моими «учителями» были отцы-основатели Чикагской школы. А вообще я учусь постоянно, это неотъемлемая составляющая моего познавательного процесса.

— Что это был за период для Вас лично? Насколько значим этот период в Вашей профессиональной деятельности?

Я начинал живописцем, потом стал архитектором, затем — искусствоведом и, наконец, социологом. То есть всегда делал то, что хотел. Чем сильнее было сопротивление окружения, тем интереснее было его преодолевать.

Первый урок «профессиональной» деятельности (формирования моей собственной социологической ментальности) я получил в 1952–1953 гг., когда наша семья была на волосок от ареста, поскольку родители и я были близки с семьей профессора Б.Б. Когана (дело «врачей-убийц»). Допросы и расспросы впервые познакомили меня с «методом интервью», с Системой, так сказать, в действии. Урок пошел впрок.

Шестидесятые годы, напротив, были временем интенсивного социологического образования: семинары Ю. Левады, семинары в Академгородке под Новосибирском, в Къярикку и вообще вхождение в плотную социологическую среду. В те годы Институт международного рабочего движения, где я работал, был центром социологической и политической мысли. Ю.Н. Давыдов, Ю.А. Замошкин, Э.Ю. Соловьев, П.П. Гайденко, Е.Т. Фаддеев, И.В. Бестужев-Лада, М. Мамардашвили, Н.В. Новиков — всех перечислить просто невозможно. Мы слушали Т. Парсонса, Р. Ледрю, Р. Пала, И. Селени, А. Шаффа. В 1969 г. я создал Комитет по социальным проблемам градостроительства при Советской социологической ассоциации, который просуществовал вплоть до развала СССР.

В следующее десятилетие Институт поблек, однако для меня лично это был период наиболее интенсивного продвижения в области теории урбанизации и попыток теоретического осмысления ее экологической и технологической составляющих. Здесь мне пригодились и мой опыт градостроителя, и мои знания в области социально-информационных процессов. В 1976 г. я получил предложение возглавить рабочую группу «Понимание состояния среды» по программе ЮНЕСКО «Человек и биосфера».

Следующие 15 лет работы по этой программе значили для меня очень много. Я научился работать и писать по международным стандартам. Круг научного общения снова значительно расширился. Но он и изменился, потому что «междисциплинарность» была его паролем. Работая

одновременно в разных интеллектуальных средах — гуманитарной и естественнонаучной, советской и международной — я вынужден был решить (сначала для себя, а потом и как научную задачу) проблему кросс-культурного перевода. Именно тогда возникла проблема, которой я занимаюсь до сих пор: соотношения науки и политики или, конкретнее, проблема социальной интерпретации экологического знания. Наконец, наверное чуть раньше других я познакомился с западной системой организации и финансирования научного исследования. В 1985 г. проф. Т. Делстра (Нидерланды) и я получили грант на международный проект «Города Европы: участие населения в охране городской среды», в котором участвовали ученые из 16 европейских стран (книжка с одноименным названием вышла в 1991 г.).

С середины 1980-х 15 лет были отданы изучению российского экологического движения и российской экополитики. Ряд обстоятельств позволил мне в течение многих лет играть роль «включенного наблюдателя». Сначала это была программа «Экополис» (экологический город), а в 1991–1994 гг. — международное исследование российского экологического движения под руководством и по методике «социологической интервенции» А. Турэна. Потом был проект по региональной экополитике с участием Х.П. Кризи. Еще позже — сравнительное исследование процессов транснационализации экологических неправительственных организаций в России, на Украине и в Эстонии. Это было очень насыщенное время. Накопленный архивный материал дает пищу для теоретизирования до сих пор.

— *Каково Ваше отношение к периоду перестройки и времени реформ 1990-х годов?*

Об этих временах слишком много сказано и написано. Как социолог могу сказать определенно, что происходило постепенное удушение гражданских инициатив и общественных движений бюрократической машиной. Комитеты общественного спасения (реки Волги или др.) возникли на заре перестройки. Но уже тогда они мешали всемогущему аппарату. Те гражданские инициативы, которые существуют сегодня, это «спасение утопающих руками самих утопающих». Это — не средний класс, это несчастные и обездоленные, пытающиеся спасти себя и своих близких. Вертикаль победила, но страна проиграла. Проиграла потому, что возродить снова инициативу снизу административными мерами нельзя никак. Вертикаль утвердилась, но «человек лукавый» (как назвал его Ю. Левада) остался.

— *Могли бы Вы назвать основные социально-экологические проблемы современных обществ? Как эти проблемы изучаются и практически решаются?*

Основная социально-экологическая проблема состоит в том, что человечество не успевает осознать, отрефлексировать то ускорение и уплотнение событий, которое оно же само и породило. У него просто нет

опыта жизни в этом стремительном потоке событий. Пресловутый «автодинамизм модернизационного процесса» (У. Бек) порождает высокомерие одних и фрустрацию других. В обоих случаях мы получаем не рефлексию по поводу рисков, а примитивную реакцию на них. И раскол — социальный, конфессиональный, «цивилизационный». Или, выражаясь фигурально, «стенка на стенку». Но «наказание» политических движений и даже целых народов порождает бумеранг массового террора. Маховик порождения рисков раскручивается все быстрее. Возникают такие общности и солидарности, которые еще недавно невозможно было помыслить. Когда мир ставится на грань уничтожения, трудно говорить об «исследованиях». Это еще одна причина, почему социология вытесняется политикой.

— Вы являетесь автором ряда трудов по социальной экологии и социологии. Какие из них представляются Вам наиболее значимыми?

Этот вопрос следует адресовать читателю. Есть подсчеты, показавшие, что среди теоретиков урбанизации я был наиболее часто цитируемым автором. Но, думаю, главное не в этом. Важно, что с известным лагом времени мои работы оказываются востребованными, да к тому же на периферии. Вышедшая в 1991 г. моя маленькая книжечка «Социальные движения. Сто интервью с лидерами» сегодня вдруг оказалась нужной, потому что там зафиксирована живая атмосфера и энтузиазм людей конца 1980-х, хотевших участвовать в обустройстве собственной жизни. Примерно то же произошло и с книгой «Экологическое движение в России. Критический анализ». Тогда она была жестоко раскритикована лидерами этого движения. А сегодня мы снова нужны друг другу.

Автору всегда кажется, что в каждой следующей работе он сделал шаг вперед. Поэтому я назвал бы две мои новые книги «Russian Greens in a Risk Society: A Structural Analysis» и «Россия: экологический вызов (общественные движения, наука, политика)», выпускаемую в ближайшее время издательством «Сибирский хронограф».

— Можно ли говорить о социально-экологической культуре российского общества? Могли бы Вы определить ее содержание?

В ходе истории понятие экологической культуры постоянно меняется. И оно всегда тесно связано с господствующими ценностями, с ценностью человеческой жизни. Это легко проследить на примере Америки: от времен «пионеров» до наших дней. Формирование «охранительной» экологической культуры, начавшееся в России в конце XIX в. (формирование заповедного дела, строительство «городов-садов») было прервано революцией. Одним из первых в конце 1920-х гг. было разгромлено краеведческое движение, потому что память о прошлом мешала осуществлению коммунистической утопии. С тех пор власть шаг за шагом уничтожала эту память, а вместе с ней и понимание зависимости человека от природы. Место человека «сберегающего» занял человек-

хищник, человек «покоряющий». Новая «рыночная» эпоха отбросила нас еще на несколько столетий назад.

Наша экологическая культура сегодня — это культура выживания за счет проедания накопленного природного и социального богатства. От (оседлого) хозяйства мы снова сползаем к промыслу. Выживание целой нации за счет одной (нефтяной) трубы — это ли не урок экологической культуры? Высоколобая социология избегает таких грубых слов, как воровство, грабеж, мародерство. Однако парадокс современной технической цивилизации состоит в том, что воровать и грабить безнаказанно уже нельзя. Даже «локальное» воровство (вырубка кабелей, сетей электропередач, массовое браконьерство) грозит катастрофой целым регионам. Хищнический промысел красной рыбы на Дальнем Востоке чреват полным исчезновением ее популяции. Столь же безнаказанная вырубка лесов в Коми может нарушить биосферный баланс с абсолютно непредсказуемыми глобальными последствиями. Российский человек шаг за шагом подрывает фундаментальные основы собственного существования. И риски этой «культуры» вполне можно измерить. Вот почему еще я назвал Россию «обществом всеобщего риска».

— Что ожидает российское общество в ближайшем будущем?

Я прогнозами не занимаюсь, могу говорить только о тенденциях. Старые риски и, прежде всего, коммунистический проект, не были до конца осмыслены и преодолены, а эпоха реформ представляется мне непрерывным политическим конструированием новых рисков. Но старые риски не могут «ждать» — они продолжают подтачивать наше общество изнутри. Я намеренно избегаю слова «катастрофа». Нет, я говорю об обычных, но не менее разрушительных рисках: силовом переделе собственности, исчезновении среднего класса, наркотизации молодежи, угрозе открытых границ, деградации городских инфраструктур. Риск — «существо» прожорливое. Чем позже о нем вспоминают, тем агрессивнее он становится, тем больше ресурсов требуется для удержания его в состоянии, относительно безопасном для окружающих. Как жить в обществе, где патология становится нормой — вот задача для социологического осмысления.

— Каков Ваш социологический, социально-экологический и рискологический диагноз нашего времени?

Думаю, прав У. Бек, назвавший наступивший век «концом “Другого”». Иными словами, прежнее дистанцирование, отстранение, искейп или изоляция более невозможны. Мы сегодня живем в «обществе всеобщего риска» в том смысле, что общество стало практически пронизуемо для любых рисков — политических, экологических технологических. Есть в приведенном определении и другой смысл: блага и бедствия, правое и левое, добро и зло становятся все менее различимы (одна рука убивает, другая — разбрасывает гуманитарную помощь). Диагноз для России — продолжающийся бег «вверх по лестнице, идущей вниз», иными

словами, риски демодернизации, архаизации, утери самостоятельности и национальной идентичности.

— *Ваши нынешние теоретические пристрастия и принципы?*

Принцип всегда был один — «дойти до самой сути», если хватит сил. Методически это означает, что я был и остаюсь убежденным приверженцем качественных методов. Сегодня нет недостатка в батальных социологических полотнах. Но вот увидеть ситуацию изнутри, понять механизм ее развития, соотнести динамику контекста с социальными изменениями индивида, группы, организации) можно только при долгом и кропотливом знакомстве с объектом. И наблюдении его со стороны. И включении в его собственную деятельность. И при помощи глубинных интервью и т.д. Кстати, я давно использую метод построения хроник, потому что он дает динамику изучаемого явления, его социальные и иные «рамки», вскрывает сети и их конфигурации, расстановку сил в конфликтах и многое другое.

— *Что мешает и что помогает Вам в научной работе?*

Мешают научно-организационные дела, но они — неустранимый элемент функционирования науки. Поэтому я просто стремлюсь свести их к минимуму. Помогает семья и архив, накопленный мною за все годы работы. Глубинные полу- или неструктурированные интервью и архивные материалы дают мне такую глубину социологического видения, как никакой другой метод.

— *Ваши увлечения?*

С возрастом стремлений становится все меньше, а «долгов», включая внутренние, — все больше. Пожалуй, семейные хроники, если это можно назвать увлечением.

— *Ваши научные планы и намерения?*

В начале 2002 г. издательством «Сибирский хронограф» планируется выпуск моей монографии «Россия: экологический вызов (общественные движения, наука, политика)». В Институте социологии РАН под моим руководством идет работа над коллективной монографией «Россия как общество риска: институциональная, функциональная и культурная динамика», которую мы планируем закончить в следующем году.

Краткий автобиографический очерк (Curriculum vitae)

Трудовая деятельность:

1967–1991 — Руководитель сектора городских и социально-экологических проблем Института международного рабочего движения АН СССР, Москва.

1991–1993 — Главный научный сотрудник, руководитель исследовательской группы по проблемам социальной экологии РАН.

1994–1995 — Профессор Высшей школы экологии при Международном университете, Москва.

1995 — Профессор-визитер Массачусеттского технологического института, США.

1993 – по настоящее время — Главный научный сотрудник, руководитель исследовательской группы по проблемам социальной экологии и рискологии Института социологии РАН, Москва.

Научно-организационная и общественная деятельность:

1. Председатель Исследовательского комитета по социальным проблемам градостроительства Советской социологической ассоциации, 1967–1991.

2. Руководитель рабочей группы СССР/России «Социальные проблемы экологии» Межправительственной программы ЮНЕСКО «Человек и биосфера» (эксперт), 1977–1991.

3. Член бюро Исследовательского комитета № 18 «Социальная экология» Международной социологической ассоциации, 1985–1989.

4. Член бюро Исследовательского комитета № 24 «Среда и общество» Международной социологической ассоциации, 1992–1998.

5. Председатель Исследовательского комитета «Среда и общество» Российского общества социологов, 1997 — по настоящее время.

6. Координатор сети исследователей социальных движений в Центральной и Восточной Европе Европейской социологической ассоциации, 1999–2001.

Организатор двух международных конференций:

«Экологический подход к планированию городов», ЮНЕСКО-ЮНЭП, г. Суздаль, СССР, 1984.

«Экологические инициативы и движения», ЮНЕСКО, г. Москва, СССР, 1991.

Участник и докладчик на многих международных и национальных конференциях и конгрессах, в том числе, на 7-ом, 13-ом и 14-ом Международных социологических конгрессах, на 4-ой и 5-ой конференциях Европейской социологической ассоциации.

Основные исследовательские проекты:

Руководитель или участник девяти международных проектов:

1. «Города Европы: участие населения в охране городской среды», грант ЮНЕСКО, 1985–1991 (соруководитель).

2. «Социальные и экологические последствия технологических изменений», СССР–Чехословакия, 1985–1987 (руководитель).

3. «Экологическое движение в России», грант CNRS, 1991–1993 (руководитель).

4. «Участие населения в распространении экологической информации», грант Европейского банка реконструкции и развития, 1993–1994 (участник).

5. «Экологическое движение и политика в России», грант Амстердамского университета, 1993 (руководитель).

6. «Новые региональные экологические центры в России», грант Регионального европейского экологического центра, 1995 (участник).

7. «Сети региональной экополитики в России», грант Швейцарского Научного Фонда, 1995–1996 (руководитель).

8. «Транснациональные неправительственные экологические организации (в России, на Украине и в Эстонии), грант Института «Открытое общество», 1997–1999 (индивидуальный грант).

9. «Политика российских зеленых: ответы на вызовы общества риска», грант Фонда Дж. и К. Макартуров, 2001–2002.

Руководитель или участник пяти российских исследовательских проектов:

1. «Экополис», 1980–1989 (участник).
2. «Экологическая политика: социальная концепция и механизмы реализации», грант РГНФ, 1992–1993 (руководитель).
3. «Экологическое движение и его политика в России», грант Института советско-американских отношений, 1995 (руководитель).
4. «Экологическая модернизация России: социальная концепция и механизмы реализации», грант РГНФ, 1997–1999 (руководитель).
5. «Россия как общество риска: институциональная и культурная динамика», грант РГНФ, 2001–2003 (руководитель).

Основные публикации:

Индивидуальные монографии:

Урбанизация и социальные противоречия капитализма. Москва: Наука, 1975.

Экология города. Зарубежные междисциплинарные концепции. Москва: Наука, 1984.

Экологическая перспектива города. Москва: Мысль, 1986.

Гражданские инициативы и самодеятельность масс. Москва: Знание, 1988.

Социальные движения. Сто интервью с лидерами. Москва: Московский рабочий, 1991.

Экологическое движение в России. Критический анализ. Москва: Институт социологии РАН, 1996.

Россия: экологический вызов (общественные движения, наука политика). Новосибирск: Сибирский Хронограф, 2001.

Russian Environmentalism: Leading Figures, Facts, Opinions. Moscow: Mezhdunarodnyie Otnosheeniya Publishing House, 1993.

Russian Greens in and Risk Society: A Structural Analysis. Helsinki: Kikimora Publications, 2001.

Ответственный редактор, статьи в коллективных монографиях и журналах:

Урбанизация, научно-техническая революция и рабочий класс. Москва: Наука, 1972. (отв. редактор и автор статей)

Транснациональные экологические солидарности в России // Куда идет Россия...? Социальная трансформация постсоветского пространства / Отв. редактор Т. Заславская. Москва: Аспект Пресс, 1996.

Экологическая социология // Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. Москва: Институт социологии РАН, 1996.

Модернизация в России в свете концепции «общества риска» // Куда идет Россия?... Общее и особенное в современном развитии / Отв. редактор Т.И. Заславская. Москва: ТОО «Остожье», 1997.

Экологическая политика в «обществе всеобщего риска»// Евразия. Природа и люди. 1997. № 2–3.

Региональные лидеры: коллективная рефлексия // Евразия. Природа и люди. 1997. № 5.

Россия: риски и опасности переходного общества. М.: Институт социологии РАН, 1998. (отв. ред.)

Социология и рискология // Россия: риски и опасности переходного общества. М.: Институт социологии РАН, 1998.

Чернобыльская катастрофа: опыт реконструкции риск-рефлексии // Россия: риски и опасности переходного общества. М.: Институт социологии РАН, 1998. (отв. ред.)

Экологическое движение в переходном обществе // Социологические исследования. 1998. № 10.

Экологическая социология как риск-рефлексия // Социологические исследования. 1999. № 6.

Россия как общество риска: контуры теории // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. Л. Дробижевой и В. Ядова. М.: Аспект пресс, 2001.

The Man's Environment: Where We Live and Work. Moscow: Progress Publishers, 1981. (co-editor and author)

Towards an Eco-City: Problems of Integrating Knowledge with Practice // International Social Science Journal. 1982. Vol. XXXIV.

Urbanization in the USSR: Theory, Tendencies, and Policy // International Journal of Urban and Regional Research. 1986. Vol. 10.

Environmental Movements: Some Conceptual Issues in East-West Comparisons // International Journal of Urban and Regional Research. 1991. Vol. 15.

Cities of Europe: The Public's Role in Shaping the Urban Environment / Eds. O. Yanitsky, T. Deelstra. Moscow: International Relations Publishers, 1991.

Industrialism and Environmentalism. Russia at the Watershed Between Two Cultures // Sociological Research. 1995. Vol. 34.

The Ecological Movement in Post-Totalitarian Russia: Some Conceptual Issues // Society & Natural Resources. 1996. Vol. 9.

Russian Environmental Movement // Humanities and Environment / Eds. J. Conway, K. Keniston, L. Marx. Cambridge: MIT Press. 1999.

The Environmental Movement in a Hostile Context: The Case of Russia // International Sociology. 1999. Vol. 14. № 2.

Sustainability and Risk: The Case of Russia // Innovation. The European Journal of Social Sciences. 2000. Vol. 13. № 3.

Risk Society and Environmental Policy in Russia // The Struggle for Russian Environmental Policy / Eds. I. Massa, V.P. Tynkkynen. Helsinki: Kikimora Publications, 2001.